

Распадающаяся общность или целостный регион?

На постсоветском пространстве, с одной стороны, происходят процессы фрагментации и дистанцирования от прежнего центра, а с другой — сохраняются общие черты развития | **АНДРЕЙ РЯБОВ**

В последние годы дискуссии о постсоветском пространстве нередко начинаются с попытки ответить на вопрос: сохраняется ли оно до сих пор как целостный политико-географический регион? Если это пространство все-таки существует, уместно задаться другими вопросами. Какие именно признаки позволяют утверждать, что столь непохожие друг на друга страны, выбравшие нередко различные внешне- и внутриполитические ориентиров, представляют собой некую общность? Каковы перспективы развития этой общности: ждет ли ее в обозримой перспективе распад под воздействием внутренних и международных факторов? Или, напротив, нечто архетипическое, заключенное в природе государств, расположенных на территории бывшего СССР, будет и далее поддерживать целостность региона и определять схожесть дальнейшей эволюции постсоветских стран? Эти вопросы и будут рассмотрены в данной статье.

Распадающаяся общность

Сторонники мнения, что постсоветское пространство более не существует, обычно обращают внимание на глубокие и принципиальные отличия между странами, ранее входившими в состав СССР, которые не позволяют говорить о них как о некой общности.

Первый аргумент состоит в том, что слишком различны социально-экономические и политические порядки, установившиеся в данных странах. Так, в некоторых государствах не было масштабной приватизации бывшей государственной собственности (Белоруссия, Туркменистан, Узбекистан), что в значительной степени способствовало формированию в них устойчивых авторитарных режимов, впрочем все равно существенно отличающихся друг от друга. Но эти отличия обусловлены уже другими факторами, в том числе и разными политико-культурными традициями, межрегиональными противоречиями. Страны, где была проведена «большая приватизация», также не одинаковы с точки зрения структуры отношений собственности и внутренней организации правящей элиты. Так, на Украине и в Казахстане важнейшую роль в политике и бизнесе играют промышленно-финансовые олигархические группы, оказывающие заметное влияние на госаппарат; в России, напротив, — силовая фракция государственной бюрократии, поставившая под контроль крупнейший и крупный бизнес. В Грузии предпринимается попытка построения рыночной экономики западного типа на основе развития мелкого и среднего бизнеса.

Еще большим разнообразием отличаются политические системы и режимы постсоветских стран: от жестких авторитаризмов в центральноазиатских странах (Узбекистан, Туркменистан, Казахстан, Таджикистан) (о политической ситуации в странах Центральной Азии см. статью Алексея Малашенко в этом номере *Pro et Contra* на с. 78–95), которые сочетают в своей политике советские и традиционалистские черты, до устойчивой электоральной демократии (Молдова).

Второй аргумент противников признания постсоветского пространства как региона мира опирается на различие внешнеполитических целей и ориентиров. Если в 1990-е годы прошлого столетия возникшие на развалинах Советского Союза страны еще не сложились как национальные государства и потому были вынуждены во многом ориентироваться на бывшую метрополию — Россию, то к началу нового века ситуация стала меняться. Во всех странах постсоветского пространства завершился процесс образования новых национальных государств. При этом обращает на себя внимание следующая закономерность: чем дальше политическая дистанция от Москвы, тем больше национальной государственности. Исключение составила лишь Белоруссия, которая в силу ряда обстоятельств строила свою государственность на заемных, российских ресурсах; благо проект создания Союза, а затем и Союзного государства с Россией открыл перед белорусскими правящими кругами значительные возможности для такого развития. Одни страны заявили о намерении со временем интегрироваться в евро-атлантические структуры; другие выбрали политику «качелей», третьи сохранили узы военно-политических союзов с Москвой, при этом стремясь сохранить максимум самостоятельности и не допустить, чтобы принятие решений по ключевым проблемам переместилось в Кремль.

Естественно, что с усилением центробежных тенденций на постсоветском пространстве начали деградировать институты регионального сотрудничества, и прежде всего главный из них — Содружества Независимых Государств (СНГ). Сначала СНГ эволюционировало в направлении элитного клуба, где происходили встречи лидеров постсоветских стран. На регулярных саммитах они словно пытались доказать, что если вопросы сотрудничества и интеграции не продвигаются на уровне институтов и бюрократических процедур, то их вполне можно разрешить в рамках личных встреч. По понятным причинам не достигли особых успехов и другие интеграционные проекты, выдвинутые по инициативе Москвы, — ОДКБ, ЕврАзЭС, ЕЭП. Более того, вопреки стремлению России сохранить доминирующие позиции на постсоветском пространстве, появились альтернативные проекты (например, ГУУАМ), участники которых намеревались развивать интеграционные процессы без участия Москвы. Правда, в 2010 году удалось запустить, пусть и не в полном объеме, проект Таможенного союза (Россия, Казахстан, Белоруссия), к которому вроде бы намерены подключиться и некоторые центральноазиатские страны (Киргизия, Таджикистан). Но пока неясно, удастся ли благодаря этому проекту переломить центробежные тенденции на постсоветском пространстве.

Третье соображение против рассмотрения постсоветского пространства в качестве целостного региона состоит в том, что современная Россия как исторически сложившийся консолидирующий центр на сегодняшний день не предлагает проект будущего, который обладал бы привлекательностью для других государств постсоветского пространства. Это означает, что в перспективе страны региона все равно обречены «разбежаться». Других потенциальных центров консолидации, обладающих достаточной экономической и

военно-политической мощью, на постсоветском пространстве не существует. Как нет и соответствующих амбиций заменить Россию в этом качестве.

И наконец, четвертый аргумент: между многими постсоветскими странами отсутствуют современные коммуникации. Нет не только постоянно перемещающихся потоков капитала, товаров, рабочей силы — отсутствует даже регулярное транспортное сообщение. В отсутствие подобных коммуникаций невозможно говорить о данной группе стран как о целостном политико-географическом районе мира.

“Привлекательность России как страны, которая обладает возможностью оказывать финансовую и экономическую помощь постсоветским странам, снова возросла”.

Приведенным выше аргументам противостоит точка зрения, опирающаяся на новые тенденции, которые обозначились на постсоветском пространстве после глобального финансово-экономического кризиса 2008–2009 годов. В эти годы резко снизился интерес к данному региону со стороны других глобальных игроков — США и Европейского союза, долгое время являвшихся ориентирами развития для большинства постсоветских стран. Причиной тому несколько факторов. Это и вовлеченность Соединенных Штатов в решение проблем глобальной безопасности, прежде всего речь идет о вооруженных конфликтах в Ираке и Афганистане, а также о борьбе с международным терроризмом и противодействии развитию иранской ядерной программы. На этом фоне и при общем сокращении ресурсов, имеющих в распоряжении США, соперничество с Россией за влияние на постсоветском пространстве утратило для Вашингтона былую значимость. Напротив, для обеспечения военной операции в Афганистане требовалось углубление

сотрудничества с Москвой. Начавшаяся с приходом президента Обамы «перезагрузка» американо-российских отношений закрепила эти изменения.

Евросоюз, столкнувшийся с внутренними проблемами в связи с сокращением госрасходов и значительными финансовыми трудностями некоторых стран (Греция, Ирландия, позднее Португалия), также был вынужден ослабить присутствие на постсоветском пространстве. Очевидно, что дальнейшее расширение ЕС будет приостановлено как минимум на ближайшее десятилетие. Это серьезный удар для властных элит тех постсоветских

стран, которые рассматривали интеграцию в Евросоюз в качестве перспективной задачи своей политики. Наконец, снижению интереса США и ЕС к постсоветскому пространству способствовали и неудачи «цветных революций», происшедших в некоторых государствах региона в 2003–2005 годах.

Вопреки ожиданиям эти «революции» не привели к заметному прогрессу в сфере демократии и создания свободных рыночных экономик. Так, на Украине, несмотря на плюрализацию политического и электорального процессов и заметное усиление роли независимых от государства СМИ, государственная бюрократия и промышленно-финансовая олигархия сохранили доминирующую роль в политике и экономике, а уровень коррупции не изменился. В Киргизии на месте прежнего авторитарного режима очень скоро сформировался новый, еще более жесткий.

Лишь в Грузии удалось провести успешные реформы полиции, судебной системы, государственной регистрации. Однако и они не привели к формированию в стране устойчи-

вых механизмов роста. В области политики снова возникло острое противостояние между властью и оппозицией, обвинившей президента Саакашвили в узурпации власти и установлении авторитарного режима. В развитии постсоветских государств возобладали инерционность, и в этих условиях США фактически свернули программу продвижения демократии на Восток, по крайней мере применительно к данному региону. Евросоюз сохранил проект «Восточного партнерства», разработанный по инициативе Польши и Швеции, в котором политические круги постсоветских государств не видят ни реальной возможности сближения с ЕС, ни перспективу дальнейшей интеграции.

В результате привлекательность России, прежде всего как страны, которая обладает возможностью оказывать финансовую и экономическую помощь постсоветским странам, снова возросла. Москва умело воспользовалась новыми обстоятельствами, чтобы снова заявить о себе как о консолидирующей силе. Россия не только предприняла усилия для оживления интеграционных процессов на постсоветском пространстве, но сумела заметно сблизиться со странами, отношения с которыми в последние годы оставались проблемными. Одновременно были укреплены на двухсторонней основе союзнические альянсы со старыми друзьями. В 2010 году, как уже отмечалось выше, стартовал проект Таможенного союза. В том же году были подписаны Харьковские и Киевские соглашения с Украиной, в результате которых Москве удалось добиться продления срока аренды военно-морской базы в Севастополе еще на 25 лет и договориться о реализации совместных проектов в области авиа- и судостроения, а также атомной промышленности. Были нормализованы отношения двух стран и в таком важнейшем вопросе, как поставки газа на Украину. До 2044 года были продлены и сроки присутствия российской военной базы

в Армении. Наконец, когда после президентских выборов декабря 2010 года президент Белоруссии Лукашенко снова рассорился с Западом, а весной 2011-го белорусские власти оказались перед угрозой дефолта, у России появилась реальная возможность добиться от официального Минска внешне- и внутриполитических изменений, на которых она давно настаивала.

Успешные усилия России, направленные на консолидацию постсоветского пространства — даже если считать, что это временный успех, обусловленный особенностями нынешней международной конъюнктуры, — свидетельствуют о сохранении определенных механизмов и факторов, удерживающих регион от полной фрагментации. На эти механизмы и пытается опереться Москва. Среди признаков целостности региона — безвизовый режим в отношениях между большинством государств; взаимное признание дипломов об образовании; использование русского языка как средства межгосударственного общения на официальном уровне (даже при некотором сокращении распространения русского языка в регионе эта функция пока сохраняется); широкое присутствие российского телевидения в информационном пространстве большинства стран, которое иногда называют новым информационным империализмом бывшей метрополии. В экономике многих постсоветских стран по-прежнему присутствует зависимость от России, что позволяет поддерживать экономические взаимосвязи внутри региона через прежний имперский центр. Россия является страной притяжения для потоков трудовой миграции из большинства государств Центральной Азии и Южного Кавказа, Украины, Белоруссии и Молдовы; а российская столица — центром престижного потребления для представителей правящих элит новых национальных государств, а также местом выгодного размещения их капиталов. Да и российская валюта все еще

востребована у населения стран, ранее входивших в состав СССР.

Различия во взглядах на нынешнее состояние постсоветского пространства указывают на то, что мы имеем дело со сложным социальным феноменом, в котором, с одной стороны, происходят процессы фрагментации и дистанцирования от прежнего центра, а с другой – сохраняются некие общие черты развития. При такой постановке вопроса важно понять, в чем же состоит эта общность и каков потенциал ее устойчивости. Ответ на этот вопрос поможет полнее представить и перспективы дальнейшей интеграции или, напротив, дезинтеграции пространства.

Целостный политико-географический регион

Государства, возникшие на территории бывшего СССР при смене политического строя и экономической системы, унаследовали от своего предшественника прежде всего определенный тип властного доминирования. Главной задачей данной системы власти является обеспечение несменяемости правящих элит и полный контроль с их стороны над ключевыми активами национальных экономик. Для этого необходимо ограничить или даже ликвидировать конкуренцию в публичной политике, бизнесе, информационном пространстве; минимизировать публичный контроль над властью; отстранить общество от принятия важнейших политических и экономических решений; построить жесткую иерархию социальных отношений. По сравнению с советской системой меняется экономическая и политическая среда, но механизмы функционирования общественных взаимосвязей и поведения элит остаются прежними.

Многообразие форм политических режимов и экономических систем на постсоветском пространстве, с одной стороны, отражает разные исторические фазы разложения

прежней советской модели. Так, одни страны более активно внедряли у себя рыночные механизмы и институты политической демократии; остальные же предпочитали сохранять в малоизмененном виде старые общественные формы. С другой стороны, отмеченное многообразие обусловлено культурно-историческими и политическими особенностями отдельных стран. В частности, в центральноазиатском регионе, где сильна историческая традиция тиранических режимов, а также в Азербайджане, где опыт более современного государственного устройства был крайне непродолжительным, установились устойчивые авторитарные режимы, а в Туркменистане при правлении Туркменбаши-Ниязова – и вовсе тоталитарный. Исключение представляет Киргизия, где в силу фрагментированности местной элиты и политического противостояния между Севером и Югом республики попытки создания устойчивого авторитаризма не увенчались успехом, как, впрочем, не удалось построить и стабильную электоральную демократию. В результате колебания между этими двумя полюсами государственность Киргизии так и не достигла устойчивых форм и оказалась существенно ослаблена.

В странах европейской части постсоветского пространства отличительной чертой политического развития была относительная активность гражданских структур, а в 1990-е годы и заметная вовлеченность в политику массовых слоев населения. Это вынуждало властные элиты этих стран допустить в тех или иных объемах политической и идейный плюрализм, а также проведение выборов с заранее неизвестными результатами. Когда в силу каких-то обстоятельств гражданская и политическая активность населения снижалась, властные элиты постепенно сворачивали демократические преобразования. Так произошло в первое десятилетие XXI века в России, то же происходит в настоящее время

на Украине и в Грузии. Исключение в этом ряду стран составляет Белоруссия, в которой после короткого периода политического плюрализма 1991–1994 годов утвердился авторитарный режим президента Лукашенко (о политической ситуации в Белоруссии см. статью Григория Иоффе в этом номере *Pro et Contra* на с. 29–49). Одна из основных причин состоит в том, что Белоруссия была глубоко интегрирована в хозяйственную систему Советского Союза, являясь ее «сборочным цехом»; кроме того, важным фактором является относительно высокий уровень

и России авторитарные режимы формально опираются на доминантные партии; эти партийные образования с институциональной точки зрения представляют собой в той или иной степени модификации КПСС, во всяком случае, опыт советской компартии сильно повлиял на их формирование. Тем не менее, в отличие от Советского Союза, доминантные партии нигде не играют самостоятельной политической роли; скорее они служат цели легитимации режима в рамках соответствующего институционального дизайна, а также придают силу закона реше-

“Государства, возникшие на территории бывшего СССР, унаследовали от своего предшественника определенный тип властного доминирования”.

жизни в Белоруссии на фоне других советских республик. От распада СССР Белоруссия пострадала сильнее, чем большинство бывших союзных республик. В то же время из-за слабой национальной идентичности белорусов идея создания национальной государственности, по крайней мере в 1990-е годы, не пользовалась у них особым интересом, в отличие, например, от жителей соседней Украины. В результате ни элиты, ни большинство населения в течение долгого времени не хотели отказываться от советского опыта и традиций СССР. К тому же значительную прослойку в индустриальных центрах республики составляли горожане в первом поколении, что создавало благоприятные условия для закрепления в обществе патерналистских установок и готовности принять авторитарное правление.

Авторитарные политические режимы, возникшие на постсоветском пространстве, имеют немало различий в институциональной организации и способах функционирования. В государствах Центральной Азии (кроме Киргизии), странах Южного Кавказа

и на Балканах исполнительная власть сформировалась классический персоналистский авторитарный режим, которому партии не нужны. В большинстве стран с авторитарными режимами официальная, системная оппозиция слаба и скорее выполняет «протокольную» функцию. Так обстоят дела в России, Азербайджане, Казахстане, Таджикистане, Узбекистане. В Белоруссии, несмотря на слабость оппозиции, она не является «младшим партнером» правящего режима. В Туркменистане оппозиции нет вовсе. В тех государствах, где оппозиция относительно влиятельна (Армения, Грузия), властные элиты, не отказываясь от авторитарного правления, вынуждены проявлять гибкость и идти на диалог.

Электоральная демократия стала принципом функционирования политической системы только в Молдове: здесь неоднократно происходила смена власти в результате альтернативных выборов (о политической ситуации в Молдове см. статью Нику Попеску в этом номере *Pro et Contra* на с. 50–61). Специфика Молдовы в том, что эта страна,

созданная на основе бывшей провинции, попеременно переходившей от Румынии к России и Советскому Союзу, вбирает в себя две разных идентичности: прорумынскую и «нерумынскую», тяготеющую к России. Их сосуществование и соперничество создают основу для политического плюрализма. Формированию и закреплению электоральной демократии в Молдове также способствовали такие факторы, как относительно высокий уровень политической активности общества, бедность, которая сужает возмож-

кратического проекта. В этих условиях после победы на президентских выборах 2010 года кандидата от Партии регионов Януковича началось быстрое свертывание демократических достижений и возвращение к авторитарному режиму.

Различия экономических систем постсоветских государств отражают не только исторические традиции, но и разницу во взглядах элит на стратегию строительства национальных государств, их интеграцию в мировую экономику и политику. Традиции частной

“Фундаментальной особенностью постсоветского капитализма является единый институт «власти-собственности», составляющий политэкономическую основу данного режима”.

ности для системной коррупции и усиления автономности элит от населения.

После «оранжевой революции» конца 2004 года – начала 2005-го считалось, что на путь строительства электоральной демократии встала Украина, которая в 1994 году уже пережила одну смену власти в результате демократических выборов. Однако затем, при президенте Кучме, на Украине стал постепенно формироваться авторитарный режим, хотя и более гибкий по сравнению с другими постсоветскими государствами. В первые годы после «оранжевой революции» Украина достигла заметных успехов в создании плюралистической политической и информационной среды и конкурентной партийной системы. Была осуществлена конституционная реформа, которая ограничивала власть президента и расширяла полномочия кабинета министров, опирающегося на парламентское большинство. Но непрекращавшаяся борьба внутри победившей «оранжевой коалиции» и провалы социально-экономической политики новой власти в дальнейшем привели к дискредитации не только ее лидеров, но отчасти и самого демо-

собственности в целом легче прививаются в странах, расположенных на европейской части постсоветского пространства, чем в государствах Центральной Азии: к примеру, в Туркменистане и Узбекистане государство до сих пор остается собственником основных активов. В то же время в Казахстане и Киргизии экономика в основном частная, поскольку проведение масштабной приватизации явилось сознательным выбором правящих элит этих государств. В странах европейской части постсоветского пространства, за исключением Белоруссии, не пожелавшей расставаться с советским опытом, доминируют экономики, в которых частная собственность играет ключевую роль. В этой системе координат Азербайджан занимает промежуточное положение, поскольку нефтяная промышленность – ключевая отрасль его экономики – находится в государственной собственности.

Несмотря на существенные политические, социальные и экономические различия между странами, образовавшимися на территории бывшего СССР, общим началом в их развитии является общественно-

экономический строй, утвердившийся за последние двадцать лет. Этот строй можно условно назвать «постсоветским капитализмом». Как будет показано ниже, именно благодаря данному феномену продолжают функционировать механизмы взаимодействия между постсоветскими странами, которые способствуют сохранению целостности региона. Эта своеобразная система содержит в себе рудименты прежнего, советского социализма; парадоксальным образом, укоренение «постсоветского капитализма» привело к возрождению более архаичных общественных форм, которые в современной литературе иногда называют неофеодальными¹. Из всех государств постсоветского пространства лишь Белоруссия в течение долгого времени избегала постсоветского капитализма. Вместо этого за счет заемных российских ресурсов здесь сохранялись основы государственной экономики советского образца и советский социальный патернализм. Однако в последние годы под давлением ряда факторов, в том числе сокращения ресурсов, поставившихся из России, этот социализм без руководящей роли коммунистической партии начал трансформироваться в национальную модель постсоветского капитализма.

Страны Балтии, по формальным историко-географическим критериям тоже относящиеся к постсоветскому пространству, в действительности принадлежат Большой Европе. Взяв курс на евро-атлантическую интеграцию сразу после распада СССР, эти страны осуществили необходимые политические и социально-экономические реформы и в начале XXI века стали членами НАТО и Европейского союза. Хотя в некоторых странах Балтии (Латвия, в меньшей степени Литва) существуют явления, характерные для постсоветского капитализма (высокий уровень коррупции, сращивание политической элиты и верхушки бизнеса) и указываю-

щие на общность происхождения с другими государствами, в целом Балтийские страны развиваются по европейским политическим алгоритмам, а местные национальные сообщества функционируют по законам, правилам и процедурам, характерным для демократического капитализма Европы.

Характерные черты постсоветского капитализма

Фундаментальной особенностью постсоветского капитализма является единый институт «власти-собственности»², составляющий политэкономическую основу данного режима. Это означает, что механизмы принятия решений вместе с системой государственного управления и одновременно фактическое распоряжение ключевыми активами национальной экономики находятся под контролем узкой группы элит. Институциональные формы подобного доминирования, балансы сил между разными группами элит (например, высокопоставленным чиновничеством и крупнейшим бизнесом) в рамках правящих коалиций, разумеется, зависят от политических особенностей той или иной страны, однако при всем разнообразии такие системы носят вертикально интегрированный характер и охватывают все уровни: национальный, местный и муниципальный.

Следствием подобного сращивания политической и экономической власти становится концентрация разнообразных ресурсов на одном полюсе политической жизни. Подобная концентрация ресурсов создает фактические барьеры для входа на политический рынок и препятствует демократизации постсоветских стран даже при проведении альтернативных выборов. В настоящее время доступ на политическую сцену для новых игроков существует лишь в Молдове, но, как говорилось выше, это объясняется не столько институциональными особенностями постсоветского капитализма в данной

стране, сколько фактором противоборства разных политико-культурных традиций и идентичностей. В остальных постсоветских государствах элиты, контролирующие власть и собственность, имеют полную возможность не допустить в большую политику тех акторов, чье присутствие на политической сцене им не выгодно. А если такие акторы все-таки попадут на политический рынок, дефицит ресурсов, с которым они столкнутся по воле правящих элит, не позволит им создать свою базу поддержки.

Сосредоточение ресурсов в руках узких привилегированных групп потребовало создания мощных распределительных механизмов. Борьба за контроль над ними, а также за источниками административной, природной и бюджетной ренты в значительной мере предопределила логику хозяйственной деятельности в постсоветских странах, а также траектории их политического развития. Предпринимательская активность по преимуществу ориентирована на захват и удержание источников ренты, а не на производство добавленной стоимости.

Соотношение между видами ренты в разных странах неодинаково. В государствах с экспортно ориентированной сырьевой экономикой (Россия, Казахстан) решающее значение имеет доступ к природной ренте. В странах с более бедными сырьевыми ресурсами главным «призом» является установление контроля над источниками бюджетной и административной ренты. Доминирование рентных отношений в хозяйственной деятельности постсоветских государств порождает особую, циклическую траекторию политического развития. Если и происходит смена конкурирующих групп элиты и контрэлиты, то пришедшие к власти не стремятся предложить обществу новые стратегии и модели развития. Даже используя разные идеологические доктрины (как это было в Армении, Молдове, Украине), они оставляют

цели своей политики неизменными: передел ресурсов и захват контроля над источниками ренты.

Постоянная борьба за передел ресурсов приводит к хронической слабости и изменчивости политических и социальных институтов. Конкурирующие группы не заинтересованы в установлении правил и процедур — игре по правилам они предпочитают *игру с правилами*. В результате институт собственности, призванный играть ведущую роль в обеспечении правовых основ рыночной экономики, приобретает условный характер — как при феодализме. Собственность может стать наградой за верную службу определенной группе элиты; если собственник по каким-то причинам перестает устраивать эту группу, собственность могут у него отобрать. Политические институты также приобретают изменчивый характер. Их неустойчивость и подвижность проявляется в первую очередь в тех странах, где находящиеся у власти группы опасаются, что могут ее потерять. Поэтому они переделывают существующий институциональный порядок, с тем чтобы упрочить собственную власть. Так, в 2010 году в Грузии была проведена конституционная реформа, усиливающая власть правительства за счет сокращения полномочий президента — вероятно, чтобы президент Саакашвили по истечении своих полномочий мог и дальше править страной, но уже из другого офиса.

Институты часто меняются и в тех случаях, когда новые группы, пришедшие во власть, хотят укрепить свои позиции. Например, Партия регионов, чей кандидат Виктор Янукович стал в 2010 году новым президентом Украины, тут же взялась за расширение полномочий главы государства, стремясь одновременно ограничить полномочия кабинета министров. При этом всего за несколько лет до того, при другом главе государства Леониде Кучме, была проведена

конституционная реформа, ограничившая власть президента.

При слабых институтах реальная власть часто сосредоточивается в неформальных центрах принятия решений. Так, в России в последние годы правления Бориса Ельцина огромное влияние на процесс разработки и принятия решений приобрела группа друзей дочери президента Татьяны. Эта группа (так называемая «семья» Ельцина) впоследствии стала одной из наиболее могущественных групп интересов. Когда институты слабы, наличие власти определяется не столько конституционными полномочиями, сколь-

явлениях коррупция способна парализовать деятельность государственного аппарата, когда групповые интересы тех или иных отрядов бюрократии входят в противоречие с реализацией конкретных управленческих задач. В данном контексте уместно вспомнить бездействие российского чиновничества летом 2010 года — в период необычной жары в европейской части страны. Многие чиновники не изменили отпускные планы и уезжали отдыхать в то самое время, когда стихийное бедствие поставило под угрозу жизнь и имущество многих граждан, безопасность важных народно-хозяйственных объектов.

“Предпринимательская активность по преимуществу ориентирована на захват и удержание источников ренты, а не на производство добавленной стоимости”.

ко наличием ресурсов, связей, влиянием в элитах. В этом плане показательна эволюция российской власти после президентских выборов 2008 года. Ранее институт президента считался стержнем всей российской государственности, ее консолидирующим началом. Несмотря на то что российская конституция не была изменена, реальная власть в стране переместилась в кабинет председателя правительства: занявший это место Путин остался главным центром власти.

В условиях постсоветского капитализма коррупция становится системным фактором. Приватизация административного ресурса чиновничеством при отсутствии механизмов подотчетности и общественного контроля формируют коррупционную среду. Государственные услуги повсеместно становятся объектом купли-продажи, а государственная служба — инструментом извлечения ренты и поборов с населения и бизнеса, а также создания благоприятной среды для опекаемых чиновниками предпринимательских структур. В крайних про-

При этом утверждение, будто коррупции меньше в тех постсоветских государствах, где были достигнуты ощутимые успехи в демократическом развитии, не подтверждается практикой. Например, на Украине и после победы «оранжевой революции», когда политический плюрализм достиг заметного прогресса, уровень коррупции не уменьшился по сравнению, скажем, с авторитарной Россией.

Слабость институтов в постсоветских странах создала среду, в которой властные отношения приобрели клиентелистский характер, основанный на личной зависимости подчиненных от своего начальства. Это означает, что мотивация к исполнению законов слабее стремления исполнить указания босса, даже противозаконные. Властная пирамида начинает напоминать феодальную иерархическую лестницу с сюзеренами и вассалами. Важнейшим фактором формирования клиентел является близость босса к распределительным механизмам, однако возникающие на такой основе группы интересов крайне неустойчивы. Если лидер утра-

чивает бюрократический ресурс и доступ к распределительным механизмам, группы быстро распадаются. Поэтому они не могут выступать в роли акторов, вырабатывающих и реализующих долгосрочные цели развития страны, — их деятельность ограничена осуществлением узкоэгоистических интересов, которые, впрочем, могут быть существенно растянуты во времени.

Практически ни в одном постсоветском государстве — исключение составляет Молдова — не удалось создать устойчивую систему передачи власти. Там, где формально действует демократический институт альтернативных выборов, властные элиты стремятся к тому, чтобы их результат был предсказуемым и определялся в ходе внутриэлитных договоренностей. В некоторых странах такие механизмы уже сформированы и успешно функционируют (Россия, Армения). В других правящие режимы только пытаются их создать (Украина, Грузия). В Азербайджане, где власть имеет сильную клановую основу, апробирован процесс передачи ее по наследству, однако в соответствии с духом времени легализация новой власти произведена через выборы. Подобная схема с большой вероятностью будет использована в странах Центральной Азии (кроме, возможно, Киргизии).

Так или иначе, во всех перечисленных формах передачи власти решающую роль играют внутриэлитные договоренности и балансы сил и интересов; все они объединены тем, что ключевую роль приобретает фигура преемника, его отбор и легитимация. Весь процесс, точнее, его важнейшие, непубличные аспекты практически никак не институционализированы, и в этом главное отличие постсоветских государств от других стран, переживающих посткоммунистическую трансформацию. В государствах Центральной и Восточной Европы смена власти осуществляется через альтернативные

демократические выборы с заранее известным результатом. В Китае и Вьетнаме — на основе жестких правил, разработанных правящими коммунистическими партиями. В обоих случаях передача власти институционализирована и осуществляется на базе соответствующих законов и процедур.

Заключение

Итак, несмотря на разнообразие политических режимов и экономических систем, постсоветские страны объединяет наличие типических черт их общественного развития, которые позволяют говорить о возникновении новой реальности — постсоветского капитализма. Эта реальность, а также заинтересованность в ее поддержании со стороны правящих элит соответствующих стран и является гарантом целостности постсоветского пространства как политико-географического региона, даже при том, что расположенные здесь страны выбрали для себя разные внешнеполитические ориентиры. Как уже отмечалось выше, одна только Белоруссия застряла на полпути между постсоветским социализмом с его государственной экономикой и государственными гарантиями социального патернализма — и постсоветским капитализмом. Стремление России подтолкнуть соседа и союзника к проведению «реформ» обусловлено не заботой о демократизации Белоруссии, а намерением приблизить политический и экономический порядок в этой стране к «российским стандартам». Белоруссия, примкнувшая к «лагерю» победившего постсоветского капитализма, окажется более покладистым союзником, готовым учитывать рекомендации Москвы в своей внутренней и внешней политике.

Особую важность представляет вопрос о динамике развития стран постсоветского капитализма. Еще недавно, до внутреннего кризиса в ЕС, считалось, что именно перспективы интеграции в Большую Европу,

пусть и отдаленная, может стать мощным фактором трансформации постсоветских государств, по крайней мере тех из них, что расположены в европейской части бывшего СССР. Среди правящих элит этих стран было модно подчеркивать значимость «европейского выбора» как приоритета их внешней политики. При этом постсоветские элиты демонстрировали иждивенческий подход: они уповали на то, что европеизация обеспечит приток денег ЕС в экономики управляемых ими стран, и не спешили с реформами по европейскому образцу. Но даже такая, поверхностная приверженность «европей-

нирует инерционное развитие, присущее постсоветскому капитализму и основанное на стремлении правящих элит и значительной части населения к сохранению *status quo*.

Исходя из неудачного опыта «цветных революций» можно предположить, что демократизация политики, утверждение принципов политического и идеологического плюрализма, создание независимых от государства СМИ сами по себе не гарантируют успешный переход от постсоветского капитализма к иному, более современному и динамичному моделям развития. Возможно, путь к этим моделям лежит через демонтаж постсовет-

“Практически ни в одном постсоветском государстве — исключение составляет Молдова — не удалось создать устойчивую систему передачи власти”.

скому выбору» позволяла правительствам многих постсоветских стран проявлять независимость по отношению к России.

Глобальный финансово-экономический кризис 2008–2009 годов и последующий внутренний кризис в ЕС на неопределенный период закрыли перспективу расширения Евросоюза на Восток и разрушили мечты о том, что чиновники из ЕС и предприниматели из стран Большой Европы преобразят постсоветские страны в соответствии с европейскими стандартами. На сегодняшний день европейская интеграция для этих государств возможна лишь в случае, если они по своей инициативе предпримут серьезные социально-экономические и политические реформы. Пока такую готовность демонстрирует лишь маленькая Молдова, да и то немаловажную роль в этом играет обоюдное стремление Евросоюза и России использовать перспективу европейской интеграции для объединенной Молдовы как инструмент урегулирования Приднестровского конфликта. В остальных государствах пока доми-

ской государственности, которая образует ядро этого капитализма. Именно таким путем пошла Грузия при президенте Саакашвили, причем реформы начались еще до глобального финансово-экономического кризиса. Их объектом стало прежде всего то государство, которое возникло в результате распада прежней системы, и коррумпированная постсоветская бюрократия — главная сила, заинтересованная в инерционном развитии. В Грузии были проведены успешные реформы полиции, судебной системы, регистрации бизнеса и оформления различных услуг для граждан. В отличие от других стран, образовавшихся на территории бывшего Советского Союза, новое государство стало создаваться как сервисный центр, а не система институтов, существующая ради себя самой. Правда, хотя эти реформы и обозначили серьезный шаг в новом направлении, но о прорыве к новой модели развития пока говорить не приходится. В первую очередь, несмотря на глубокую приватизацию, не удалось запустить внутренние механизмы экономического

роста. Неудачными оказались реформы образования и здравоохранения. Сдерживающую роль в развитии стал играть и политический авторитаризм, который взяли на вооружение президент Саакашвили и его команда.

Поэтому вопрос о том, способен ли «грузинский путь» вывести из постсоветского капита-

лизма, пока остается открытым. Нет решения и другой фундаментальной проблемы, связанной с трансформациями на постсоветском пространстве: могут ли страны этого региона самостоятельно выйти на иные, более современные модели развития, или без зарубежного участия в таком процессе не обойтись? ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ См., например: *Шляпентох В.* Современная Россия как феодальное общество: Новый ракурс постсоветской эры. М.: Столица-Принт, 2008.

² Подробнее об этом институте см.: *Пивоваров Ю.* Русская политическая традиция и современность. М.: ИНИОН РАН, 2006. С. 96.